

ГОВОРЯ о связях Гоголя с музыкой, прежде всего хочется отметить музыкальность

самых сочинений великого писателя: ведь недаром целые поколения людей учили и будут учить наизусть отрывки из его бессмертных творений, в которых столько чудесных описаний музыки, звонко льющихся песен. Затем вспоминаются многочисленные воплощения в музыке гоголевских образов: здесь и классические оперы Римского-Корсакова, Чайковского, Мусоргского, и сочинения советских авторов — Б. Асафьева, В. Соловьева-Седого. Велик список имен композиторов, обращавшихся к Гоголю.

Наконец, следует напомнить и замечательные мысли писателя о музыке, разбросанные в его статьях и письмах. Этой теме и посвящены наши краткие заметки. Основное место здесь займут именно высказывания Гоголя.

Впервые Гоголь высказывается о музыке в юношески-восторженной статье «Скульптура, живопись и музыка» (1831 г.).

Из трех искусств — скульптуры, живописи, музыки — писатель считает именно музыку особенно близкой людям его времени, полагает, что она сильнее других искусств способна захватить всего человека.

Гоголь отводит много места музыке в статье «Петербургские записки 1836 года». Уже в первой, ранней редакции статьи (до первой постановки «Ивана Сусанина») Гоголь выступил с идеей создания русской национальной оперы и балета. Гений Гоголя уловил потребность эпохи, ту потребность, на которую ответил своей бессмертной оперой Глинка. Композитор и писатель познакомились в 1834 году. Когда Гоголь вернулся к своей статье, он, как иллюстрацию ранее высказанной мысли, включил свежий и выдающийся образец: «Ивана Сусанина». Приводим это место из статьи в ее окончательной редакции:

«Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы больше было песен... У нас ли не из чего составить своей оперы?

ПОБОРНИК НАЦИОНАЛЬНОЙ ОПЕРЫ

Опера Глинки есть только прекрасное начало. Он счастливо умел слить в своем творении две славянские музыки; слышишь, где говорит русский и где поляк: у одного дышит раздолбный мотив русской песни, у другого опрометчивый мотив польской мазурки».

Одно это высказывание ставит Гоголя в первые ряды русских мыслителей о музыке. Замечательно столь проникательное понимание задач и основ развития русской классической музыки, русской классической оперы в самый момент ее рождения. Замечательна и столь чуткая и быстрая оценка «Ивана Сусанина».

В тех же «Петербургских записках 1836 года» есть еще несколько интереснейших мыслей о музыке. Так, характеризуя национальные черты различных танцев, писатель попутно бросает следующую мысль о народных источниках музыки:

«Руководствуясь тонкою разборчивостью, творец балета может брать из них (т. е. из народных, национальных танцев. — В. Б.) сколько хочет для определения характеров пляшущих своих героев. Само собою разумеется, что, схвативши в них первую стихию, он может развить ее и улететь несравненно выше своего оригинала, как музыкальный гений из простой, услышанной на улице песни создает целую поэму». В последних словах выражено подлинное творческое, но отнюдь не холодно-цитатное и не стилизаторское отношение писателя к народной музыке. И эти слова были сказаны задолго до «Камаринской» Глинки, которая так блестяще воплотила в жизнь мысль Гоголя о музыкальном гении, создающем целую поэму из простых народных песен.

Гоголь особенно высоко ценил оперу, находя в ней соединение всего прекрасного. Превознося картину Брюллова «Последний день Помпеи», писатель в завершение своей статьи об этой картине пишет, что полотно Брюллова «по необыкновенной обширности и

соединению в себе всего прекрасного, можно сравнить разве с оперою, если только опера есть действительно соединение тройственного мира искусств: живописи, поэзии и музыки».

Видное место среди литературно-критических работ Гоголя занимает статья «О малороссийских песнях» (1833 г.), отражающая горячее увлечение писателя народной песней.

Увлечение историей нисколько не засушило в писателе его восторженно-любовного чувства к народной песне. Это видно из его письма к первому ректору Киевского университета М. А. Максимовичу (1804—1873 гг.): «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!! Я не могу жить без песен».

Однако вернемся к статье «О малороссийских песнях». Вот наиболее замечательное место из этой статьи: «Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа... песни для Малороссии — все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии».

Мысли Гоголя о музыке обращены ко всем. В этих проникновенных суждениях воплотилось понимание основных, вечно живых, по-

длинные народных идеалов музыкального искусства. Только великий человек мог так оценить

«Ивана Сусанина» Глинки еще во время создания этой оперы, только прозорливый гений мог так понять самую душу народной песни.

Не только музыканты, писатели, люди искусства, но и историки, этнографы также не должны пройти мимо заветов Гоголя, чудесно сказавшего о народной песне, как о зеркале эпохи и летописи всей человеческой жизни. И каждый читатель обогатится духовно, обратившись к этим высказываниям о музыке.

Вместе с суждениями Пушкина, Тургенева, Чехова, Горького мысли Гоголя о музыке — свидетельство глубокой любви к музыкальному искусству.

В. БЕРКОВ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

31 МАЯ 1959